

Ю.П. Лыхин, Л.А. Аболина

ПЕЧИ И ПЕЧНОЕ ОТОПЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Печь в истории человечества – одно из важнейших изобретений, без которого немислима жизнь. Любая нежилая постройка превращалась в жилье, когда в ней появлялась печь. В каждом доме печь занимала главное место и была центром притяжения для всех его обитателей, особенно в условиях суровой сибирской зимы. Данная статья посвящена рассмотрению основных типов печей, существовавших в Восточной Сибири в XVIII – середине XIX в. В результате изучения архивных материалов и литературы были выявлены следующие типы печей, с помощью которых население Восточной Сибири отапливало жилые помещения: русская печь, голландская печь (голландка), печь-каменка и якутский камелёк (чувал). Рассмотрим их подробнее в том же порядке.

I. Русская печь. Первые русские поселенцы, появившиеся в Восточной Сибири в XVII в., перенесли сюда и основной тип печи, существовавший тогда на Руси. Это была русская глинобитная печь без трубы, которая топилась «по-черному». Дым из устья такой печи выходил в жилое помещение и заполнял верхнюю часть жилища, оседая копотью на потолке и стенах. Для выхода дыма из избы открывали дверь и специальное волоковое окно в стене под потолком. После того как печь протапливалась, дверь с окном закрывали, и помещение наполнялось теплом.

В начале XVIII в. черные, или курные, избы в среде русского населения преобладали на всей территории Восточной Сибири. Белые избы являлись тогда скорее исключением, чем правилом, хотя территориально встречались уже во многих местах, в первую очередь, конечно, в городах и острогах. Так, в 1704 г. в переписной книге постоялых дворов Енисейска не раз указывались жилища, отапливаемые «по-белому» – кирпичными печами с кирпичными же выводными трубами: «Да в той избе печь кирпичная, труба выводная кирпичная»; «В горнице печь кирпичная с трубой выводной»; «А у того хоромного строения <...> печи кирпичные и трубы выводные кирпичные»; «В подклете печь кирпичная с трубой выводной» [1].

В составленной в 1724 г. описи Братского острога были указаны «2 прикащичьи новые избы, в том числе одна белая, другая черная, промеж ими сени с казенкою» [2].

И.Г. Гмелин, участник Второй Камчатской экспедиции, находясь в 1730-х гг. в Илимске, центре Илимского воеводства, записал в своем дневнике: «Все жилые дома частных лиц очень плохи. Во всем городе только одна комната, свободная от дыма, но и она так плоха, что лучше нее взять черную избу. Я жил в паршивой черной комнате, в которой часто в облачную погоду среди бела дня приходилось зажигать свечу. Если я что-нибудь писал или читал, то вскоре бумага покрывалась падающей копотью» [3].

Однако к середине XVIII в. количество жилищ, отапливаемых по-белому, по крайней мере на юге Восточной Сибири, заметно возросло, они стали распространяться не только в городской, но и в крестьянской среде. Об этом свидетельствуют описания разрушений, собранные Иркутской провинциальной канцелярией после случившегося 16 июня 1742 г. «великого землетрясения». Так, только в Иркутске было разрушено более 400 кирпичных труб у 342 домовладельцев: «У иркутского посадского Михаила Строганова у избы и горницы трубы кирпичные рассыпало»; «У Лаврентия Елизарова у избы труба рассыпалась, а в горнице печь вместе с трубой рассыпалась»; «У Ивана Тиунцова у двух изб и горницы трубы рассыпались»; «У Екима Белозерова у избы труба рассыпалась, у горницы печь рассыпалась»; «У Матфея Захарова три трубы рассыпались»; «Святой церкви у священника Ивана Гребешкова две трубы рассыпались» и т. д. [4].

То же наблюдалось и в населенных пунктах вокруг Иркутска: «А в деревнях в Кудинской, в Мотской и Набалеях и в прочих местах, у кого имели кирпичные трубы, все рассыпало до кровель»; в Кудинской слободе «труба каменная рассыпалась до потолочины и в избу кирпичи валялись, и чело у печи вывалилось»; в Хомутовской деревне «труба каменная развалилась до потолка и две по печи учинило расседины и чело вывалилось»; в Карлуцкой деревне «труба каменная до потолка рассыпалась и печь расселась великой расседкой»; в Балаганском остроге «у отставного служилого <...> трубу рассыпало до кровли и внутрь кирпичи падали в избу» и т. д. [5]. А в Селенгинске, также пострадавшем от землетрясения, не только дома отапливались по-белому, но даже и некоторые бани: «У обывательских 83 дворов у 101 печи верх повредило, трубы рассыпало <...> да у одной бани сверху кровли труба рассыпалась» [6].

*Русская печь. Село Заплёскино,
Жигаловский район Иркутской области.
Фото Ю. Лыхина, 2004 г.*

Тем не менее на отдаленных территориях Восточной Сибири переход к белым печам происходил медленно и к началу XIX в. преобладание курных изб там по-прежнему сохранялось. По свидетельству Я. Яроцкого, занимавшегося топографическим описанием Туруханского края, в начале XIX в. в г. Туруханске все частные дома (которых, впрочем, было тогда не более четырех десятков) отапливались по-черному [7].

На р. Лене и в первой трети XIX в. курные избы по-прежнему были в подавляющем большинстве. Н.С. Щукин в книге «Поездка в Якутск», написанной на основе путевых заметок 1829 и 1830 гг., отмечал, что жители ленских селений Киренского округа Иркутской губернии «имеют черные избы» [8].

В 1840 г. Н.С. Щукин вновь проехал по Лене, после чего во втором издании книги появились новые сведения. Автор сообщал: «Селения [Верхоленской волости Иркутского округа] построены беспорядочно, и хотя нет домов, крытых соломой, зато много изб курных <...> Курные избы в Иркутской губернии остались только на Лене, там хотя и слабо, но все-таки защищают превосходство этих изб противу белых. Впрочем, у многих крестьян есть и горницы с печками» [9]. И в другом месте о Киренском округе: «Домы по большей части курные и разделяются сенями на две половины: в задней бывает горница с печью. Хотя жители и заступаются за черные свои избы, однакож понемногу оставляют их» [10].

То же можно было видеть и в селениях по р. Илим: «Избы вообще черные, но у многих есть горницы с печами» [11].

Подтверждает эту картину и отставной титулярный советник В. Паршин, составивший в 1849 г. «Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии». «Крестьяне Киренского округа, — пишет он, — отличаются от всех прочих крестьян Иркутской губернии своею простотою, невежеством, неповоротливостью и грязным образом жизни. Они живут в так называемых курных

(черных) избах с печами без труб, и зимою любимое место у них в этих избах — на жарких палатах. Палаты устраиваются из настилки досок на брусьях, между полом и потолком, но ближе к потолку, нежели полу.

<...> При 40° мороза <...> проезжающий поневоле, подражая местным жителям, старается обогреться на высоких палатах, рассматривая на досуге черные, как будто обитые дорогим бархатом стены и потолки хаты под вековой сажею!

Киренские крестьяне думают, что курные избы теплее белых. Есть, впрочем, и белые дома, но у немногих вольнодумцев» [12].

Следует отметить, что достоинствами курных печей считали следующее: большее количество тепла при меньшем расходе топлива, хорошая вентиляция и дезинфекция помещения, сохранение дома сухим, отсутствие сырости и гниения дерева [13]. Курные избы использовались и в хозяйственных целях. П.А. Ровинский, проезжавший по Илиму в 1871 г., отмечал, что местные жители нарочно строят курные избы с очень высокими потолками, чтобы в них можно было сушить и вялить рыбу, сохатиное мясо [14].

Говоря же о «горницах с печками», Н.С. Щукин имел в виду чистые, парадные половины крестьянских домов-связей, предназначавшиеся для приема гостей в праздники. Печи в горницах ставили белые, при этом чаще всего они были русскими*, но могли быть и голландскими, служившими только для обогрева помещения. К сожалению, автор не уточняет, какие именно печи видел он.

Более подробные описания ленских изб с печами приводятся в работах медиков Ф. Шперка и Н.И. Кашина, опубликованных в 1870 г. Исследуя характерные для ленских жителей заболевания, они проявили интерес и к быту ленских крестьян. Так, Ф. Шперк изложил свои наблюдения по печам Верхоленского округа следующим образом: «При входе в жилую половину, налево, у самых дверей стоит большая, кухонная русская печь, битая из глины; отверстие в печи для топки находится в меньшей комнате, против окна, и называется целом и делается полукругом, место перед целом называется шестком**, между печью и стеной, в остающемся довольно узком пространстве, приделывается, наравне с высотой печи, служащая ей как бы продолжением деревянная пристройка и известная под названием голбчика, которая служит вечным местом для лежания бабушки или дедушки и отогревания их старых костей. За печью (под голбчиком) находится ход по лестнице в яму, вырытую под полом и называемую подпольем, которое служит для хранения овощей в зимнее время». И далее: «В округе, в редких селениях, встречаются у крестьян так называемые черные или курные избы; но подобные избы вновь не строятся, а составляют воспоминание старины; подобная изба отличается устройством только печи, которая [не] имеет трубу, и дым, выходя из чела печи, идет в отверстие, сделанное сбоку или над печью, в стене избы; это отверстие бывает величиной в небольшое окно и запирается деревянным ставнем; во время топки изба наполняется дымом и в ней делается очень холодно, так как отворяют еще двери для того, чтобы выходил дым; но когда печь истопится и отверстие для выхода дыма закроется, то изба скоро и сильно нагревается, воздух в ней походит на банный и у меня постоянно производил щекотание в горле и особенный, как бы горький, вкус во рту» [15].

Описание Ф. Шперка дополняет Н.И. Кашин, обследовавший кроме Верхоленского и Киренский округ: «Тотчас от дверей кладется, обыкновенно на деревянных устоях, большая русская печь, но не из кирпичей, а преимущественно из одной глины, что составляет так называемую битую печь, которая иногда (подчеркнуто нами. — *Авт.*) кладется без трубы. Таким образом, внутренние стены таких домов

* В 1846 г., отвечая на вопросы анкеты Императорского Русского Географического общества, священник с. Богучанского Енисейского уезда Андрей Андреев писал, что в горницах села печи были «битые из глины, но белые» (Архив РГО. Р. 57. Оп. 1. Д. 16. Л. 2).

** Под шестком, внизу печи, находится небольшое помещение для кур в зимнее время. — *Примечание Ф. Шперка.*

представляются грязными и черными вследствие копоти, происходящей от дыма при топке печей; для выхода же дыма устраивается особенное окно или же отворяются во время топки двери» [16].

Из приведенных сообщений следует, что к 1870 г., через 40 лет после посещения тех же мест Н.С. Щукиным, у ленских крестьян в целом произошел переход к печам с трубой и более распространены были белые избы. Эту перемену зафиксировал и П.А. Кропоткин, проплывший по р. Лене в 1866 г. [17].

Таким образом, в середине XIX в. в Восточной Сибири повсеместно завершился длительный, постепенный переход от курных русских печей к белым, начавшийся еще в конце XVII – начале XVIII в. К концу XIX в. курных печей на указанной территории почти не осталось, белые же русские печи в Восточной Сибири сохранились до второй половины XX в. и продолжают использоваться в сельской местности до наших дней.

Возведение русской глинобитной, или битой, печи не требовало больших денежных и трудовых затрат, фактически нужны были лишь глина да имевшиеся в каждом семействе рабочие руки. Глинобитную печь возводили сами хозяева, при необходимости используя так называемую «помочь». Прежде всего по размерам будущей печи делался деревянный сруб – «опечек», закреплявшийся в одной или двух стенах дома. Сверху опечка устраивался «под» – гладкая площадка, на которой внутри печи разводился огонь. Над подом из утрамбовывавшейся специальными колотушками глины возводился сводчатый корпус печи. В толщу глины могли помещать булыжники, благодаря которым печь дольше держала тепло. В передней части печи вырезалось полукруглое устье (цело) и устраивался шесток. Битье печи осуществлялось в течение всего одного дня.

Кладка кирпичных печей производилась особыми специалистами – печниками. В конце XVII – начале XVIII в. эта профессия уже существовала в Восточной Сибири, о чем свидетельствуют прозвища жителей г. Иркутска: Панкрат Печник, Иван Кирпишник, называвшийся в документах печником [18].

Промежуточным этапом в процессе перехода от курных печей к белым были так называемые полубелые, или полукурные, печи. В качестве примера отопления такими печами можно привести существовавшие на территории Восточной Сибири в середине XVIII в. курные избы, дым из которых выводился с помощью деревянных «дымников». Упоминания о дымниках в разных населенных пунктах присутствуют в описаниях разрушений после землетрясения 1742 г. Так, в Оёцкой слободе в доме одного из пашенных крестьян «дымник деревянный упал на землю и рассыпался» [19]. В Хомутовской деревне в крестьянском доме «труба каменная да дымник деревянный рассыпались до кровли» [20], отсюда видно, что в одной половине дома была печь кирпичная белая, а во второй – глинобитная курная.

Еще один переходный вариант предполагал установку черной печи таким образом, чтобы ее корпус размещался в чистой комнате, за стеной, а топка производилась из сеней или коридора, «чтобы не досаждал дым» [21].

Картина перехода от курных печей к белым в Восточной Сибири была, безусловно, гораздо разнообразней, нежели то, что нам удалось выяснить. Замена черных печей белыми имела множество различных конструктивных решений. Однако чтобы осветить этот вопрос полнее, необходимо проведение дальнейших исследований.

II. Голландская печь стала распространяться в России с начала XVIII в., со времени царствования Петра I. В числе иностранных мастеров, приглашенных им в Санкт-Петербург, были и голландские печники. Печи, которые они складывали в России, получили название голландских [22].

Существенным отличием голландской печи от русской являлось наличие закрытого топливника и дымовых ходов. Из просторной топки, имевшей железную или чугунную дверку, дым через «хайло» (отверстие в своде) переходил в последовательные дымообороты, устроенные в печи, после чего выходил в дымовую трубу.

Голландка. Город Кяхта, Республика Бурятия. Фото Ю. Лыхина, 2009 г.

Когда печь протапливалась, дымовая труба плотно закрывалась вьюшкой (обычно на чердаке, через особые боковые дверцы) и нагревшаяся масса печи отдавала тепло в помещение [23].

Вначале голландские печи, клавишиеся из кирпича и облицовывавшиеся глазурованными изразцами, были очень большими. Они занимали на полу около квадратной сажени (около 6 кв. м) и ставились обыкновенно в углу помещения на некотором расстоянии от стен так, чтобы дверца топливника была направлена в стену. Здесь находился человек с запасом дров, который следил за процессом горения. По мере прогорания дров ему было необходимо прикрывать дверцы топки и пригребать угли к устью, чтобы они сгорали быстрее. При искусной топке печь нагревалась больше, а вынос тепла в трубу уменьшался [24].

Голландская печь в России не была чем-то конструктивно застывшим. Совершенствуясь, она все время видоизменялась. При императрице Анне Иоанновне (1730–1740) голландки устраивались с горизонтальными дымо-

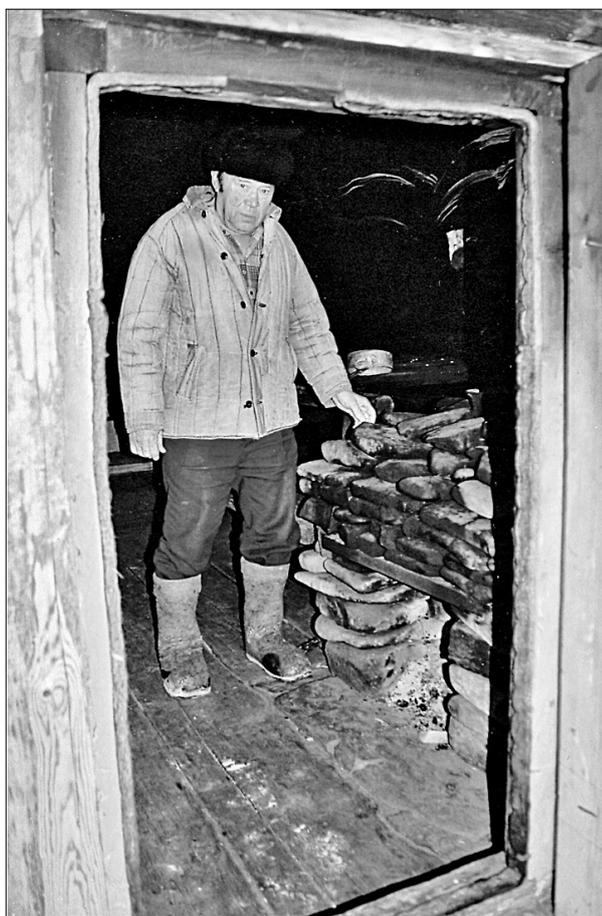
оборотами («винтом»), проходившими над топливником. Вместо глиняных вьюшек начали употреблять чугунные, по-прежнему закрывавшие трубу на чердаке. В царствование Екатерины II (1762–1796) в употребление вошли печи с вертикальными дымовыми ходами («колодцами»), чистить которые было гораздо проще [25].

В XIX в. голландские печи подверглись еще большему усовершенствованию. Они значительно уменьшились в размерах, появились «проёмные» печи, которые устанавливались в проеме стены так, что могли отапливать сразу две комнаты. Около 1820 г. печным мастером Утермарком была придумана особая конструкция голландской печи, которая в результате стала круглой (цилиндрической) и была заключена в футляр из листового железа (утермарковская печь). Во второй половине столетия на дне топливника голландской печи была помещена колосниковая решетка и добавлено поддувало, что было связано с использованием угля в качестве топлива [26].

Усовершенствования голландской печи делали ее компактнее, эффективнее, экономичнее, а это способствовало все более широкому распространению по территории России. К середине XIX в. голландская печь (голландка) была хорошо известна не только в городских, но и в сельских жилищах в самых отдаленных регионах страны, в том числе и в Восточной Сибири. К примеру, к 1830 г. относится свидетельство декабриста А.Е. Розена, отметившего голландские печи в доме крестьянина-старообрядца с. Тарбагатай недалеко от г. Верхнеудинска: «В одной половине дома обширная изба для рабочих, с русской печкой для стряпанья и печения; в другой половине — от трех до пяти чистых горниц с голландскими печками...» [27]. В 1860-х гг. голландки уже не были редкостью в деревнях и селах Киренского округа Иркутской губернии, их устанавливали в тех крестьянских домах, «при которых пристроена светлая и чистая горница» [28].

III. Повсеместно распространенным типом печи в Восточной Сибири была **печь-каменка**. Каменка — это куполообразная печь, сложенная из дикого камня, без трубы, с открытым топочным отверстием. Печи-каменки устраивали в овинах, в которых производилась сушка хлеба в снопах, в банях, в охотничьих зимовьях, вообще во временных жилищах. К примеру, в 1765 г. при организации экспедиции В.Я. Чичагова по изысканию Северного морского пути М.В. Ломоносовым была подготовлена инструкция, по которой при вынужденной зимовке участникам экспедиции предписывалось строить избы, а в них «печи, буде есть глина, а буде нет, то из дикого валуну каменки или очаги» [29].

Печь-каменка в бане устраивалась прямо на земле у двери, слева или справа от входа. При сооружении банной каменки на ее верх наваливали груды окатанных камней — собранных по берегам рек мелких валунов и крупной гальки. В печи-каменке не было ни колосников, ни поддувала, ни печной дверцы. Во время топки такой печи огонь и дым свободно проходили между камнями, быстро нагревая их. При этом, ввиду отсутствия трубы, дым распространялся по всей бане. Выпускали его, отодвигая задвижку маленького волокового окна и приоткрывая низенькую с высоким порогом дверь [30]. Мыться в бане по-черному можно было только после того, как печь протапливалась. По окончании топки воздух в бане становился сухим и жарким, раскалившиеся камни и после протопки продолжали отдавать тепло. Для получения пара и дополнительного повышения температуры в бане на каменку плескали воду. За печью сооружалось дощатое возвышение — полóк, на котором люди парились и мылись. При этом не следовало касаться стен и потолка бани, которые были дочерна закопчены. Чтобы сажа не досаждала моющимся, перед посещением бани ее сметали веником.

Печь-каменка в черной бане. Село Толмачёво, Качугский район Иркутской области. Фото Г. Афанасьевой-Медведевой, 1999 г.

Иоганн Людвиг Вагнер, прусский гражданин, по воле судьбы попавший в 1760 г. в Енисейск, на местные бани обратил особое внимание. В своей книге, опубликованной в Берлине в 1789 г., он следующим образом описал внутреннее устройство русской бани с печью-каменкой и изложил впечатления от ее посещения: «Почти каждый горожанин имеет в своем доме баню. Она состоит из маленькой прихожей и комнаты, в которых находится сложенная из дикого камня печь. Эти камни так пригнаны друг к другу без извести, что кверху сходятся в круглый свод. Брандмауер по всем правилам сложена из дикого камня. Недалеко от печи пол примерно на два фута приподнят и имеет наклон; примерно так, как в наших караульных помещениях, сделаны нары. У другой стороны стоит скамейка шириной в два фута. У входа в комнату стоят два сосуда с холодной водой, в которую бросают раскаленные камни, чтобы нагреть воду в них до такой степени, как это желательно моющемуся. Топят так сильно, что при входе, несмотря на то, что в стене вырезано четырехугольное

отверстие, с заслонкой, через которое выходит дым и жар, от жары можно упасть в обморок. Но, несмотря на это, русские нагревают комнату еще больше и поступают при этом следующим образом. Они опускают связанный из березовых прутьев веник, на котором имеются еще все листья, в холодную воду и брызгают на раскаленную докрасна печь, чем вызывают пар, горячий, как кипящая вода. Потом голые они ложатся на возвышение у печи и секут себя веником, куда только могут попасть, так сильно, что все тело краснеет, как сваренный рак. Вслед за этим русский бежит к бочке с холодной водой и льет себе висящим на ней черпаком на голову. Потом он ложится на скамейку, обмазывает все тело белым мылом — черное мыло там совсем неизвестно — и отмывает его снова теплой водой. Зимой он выходит, несколько раз поваливается в снег и, не вытираясь, одевается. Когда он возвращается в свою квартиру, он поворачивается к образам или изображениям святых, которые по всей России стоят в верхнем углу у окна против дверей, тремя пальцами трижды бьет крест перед грудью и говорит слова: *Slavo Tibe Gospodî*» [31].

В XVIII — середине XIX в. сельские жители Иркутской губернии строили исключительно черные бани с беструбными печами-каменками. Даже в самом конце XIX в. бани по-белому были весьма редким исключением, встречаясь лишь «у самых богатых крестьян» [32]. И после того, в XX в., долгое время черным баням отдавалось предпочтение потому, что черная печь-каменка требовала меньше топлива и, как считалось, давала лучший пар. Кроме того, осаждавшаяся на стенах и потолке сажа предохраняла древесину от насыщения влагой и гниения, поэтому такие бани дольше сохранялись. В то же время печи-каменки из-за присущего им открытого огня служили причиной частых пожаров, а потому и овины, и бани старались ставить поодаль от жилых строений.

Бани по-черному с печами-каменками продолжают существовать в Восточной Сибири у отдельных любителей до настоящего времени.

IV. Специфическим типом печей на севере Восточной Сибири был **якутский камелёк**, или **чувал**. Чувал — «пристенный открытый очаг с нависающим над ним прямым дымоходом» [33] — по сути своей являлся видом камина и был распространен не только у якутов, но и у народов Западной Сибири (ханты, манси), а также Поволжья (татары, башкиры), у кавказских народов. Якуты устанавливали чувал в своем зимнем жилище — деревянной юрте-балагане. К примеру, в одном из описаний XVIII в. говорилось: «Юрта строится четырехугольная из стоячих несколько наклонных деревьев, с внутренней стороны обтесанных, снаружи обкладываются землею, но большей же частью навозом, крыша делается ровною, а пола почти никогда не бывает. В середине находится очаг с выведенною вверх трубою из тонких жердей, обмазанных глиною, что называется чувалом» [34].

Подобные же, не слишком распространенные, описания чувала относятся и к первой половине XIX в. Так, Ф.П. Врангель, совершивший поездку на крайний север Восточной Сибири в 1820–1824 гг., писал: «Посередине юрты, ближе к дверям, ставится чувал — род очага, или открытого камина, с трубою, проведенной в кровлю; в нем горит беспреестанно огонь для тепла в юрте и для варки пищи» [35].

М. Геденштром в своих «Отрывках о Сибири», изданных в 1830 г., сообщал, что якутские зимние юрты «довольно теплы и не дымны; вместо печи имеют огромный камин (чувал), построенный посередине юрты из бревен, обмазанных толсто глиною» [36].

М.И. Муравьев-Апостол, находившийся в 1828–1829 гг. в ссылке в Вилюйске, писал в своих воспоминаниях: «В чувале, как зовется безобразный татарский камин, дрова горят целый день и над крышею выведена дымовая труба, которая закрывается снаружи на ночь» [37].

Н.С. Щукин, ездивший в Якутск в 1829–1830 гг., замечал: «Посередине юрты устраивают комелек из жердей, обмазанных глиною, где пылающие дрова чрезвычайно скоро нагревают юрту»; и в другом месте: «Якутский комелек довольно ши-

Внутренность якутской юрты с камельком
(из кн.: Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. С. 356)

рок; дрова ставятся к стене вертикально, полено подле полена, и когда разгорятся, производят сильное пламя, которое тотчас нагревает всю комнату» [38].

Наиболее подробно описал чувал Г. Майдель в своей книге о путешествии по северо-западной части Якутской области в 1869–1870 гг.: «Приблизительно в середине постройки, впрочем несколько ближе к двери, к которой он обращен своей задней стороной, ставится камин, состоящий из большого бревенчатого квадрата в 4–5 футов по сторонам. Этот квадрат наполняют глиною и плотно ее утаптывают; с одной стороны его устанавливаются двухдюймовые жерди, верхние концы которых просовываются чрез потолок таким образом, что жерди изгибаются, приобретая вогнутость по направлению квадрата, и стоят не вполне вертикально; фута на два над потолком они обрезаются. К задней стене камина, на высоте 4–5 футов над его глиняным полом, приделывают горизонтальный обруч и другой такой же повыше, у верхнего края стены; по окружности этих обручей прикрепляются вертикальные двухдюймовые жерди, которые и образуют дымовую трубу. Весь этот деревянный остов, задняя стена и составляющая ее продолжение труба очень тщательно смазываются толстым слоем глины. В таком виде камин готов. <...> Топят камин таким образом, что дрова в 4–5 футов длиною, расколотые предварительно на тонкие поленья, ставят стоймя к задней его стенке. При этом получается громадный, горящий большим пламенем огонь, дающий сильное лучеиспускание тепла, которым только и согревается внутренность жилого помещения. Вполне достаточное нагревание совершается очень быстро; конечно, в суровые зимние морозы камин должен топиться целый день, но недостатка в топливе нет <...> Вечером, перед сном, сильно подтапливают камин, дают угольям прогореть до совершенного исчезновения синего пламени, как при топке наших печей, затем прикрывают трубу со стороны крыши заслонкой, уголья же разгребают. Этим способом получают некоторый запас тепла, который держится пока не заснешь, а затем от проникающего в течение ночи холода приходится спасаться под меховым одеялом, безусловно необходимым при жизни в юрте. К утру становится очень

холодно (мне случалось видеть, что вода в стакане покрывалась льдом), но растопленный камин в несколько минут дает такое пламя, что помещение в самое короткое время вновь согревается» [39].

Основным достоинством якутского камелька (чувала) являлась быстрота прогрева помещения, в первую очередь в зоне у его открытого огня. В условиях сурового северного климата зачастую это было жизненно важно. Поэтому не случайно в Якутии камельки устанавливали на почтовых станциях. Неоднократно проезжавший по Якутскому почтовому тракту Н.С. Щукин с чувством написал в своей книге: «От Витима к Якутску на каждой станции устроены якутские камельки: эта спасительная выдумка достойна того, чтоб изобретателю оной был поставлен монумент. Перемерзнувший путешественник около огня, пылающего в камельке, обсушит свое платье и отогреет замерзнувшие члены в полчаса. Заведение сие стоит того, чтоб учреждено было на всех станциях и в России» [40].

Другим достоинством камелька являлась хорошая вентиляция помещения. Для якутских юрт, в которых жилое пространство отделялось от хлева лишь жердевой перегородкой с неплотно прикрытой дверью и люди фактически жили вместе с животными, это было немаловажно. Один из путешественников XIX в. отмечал: «Приезд в юрту на ночлег бывает истинной пыткой для обоняния русского...» [41].

Кроме всего прочего, камелёк являлся еще и источником освещения якутской юрты.

В то же время якутский камелёк имел свои недостатки. Как и всякий камин, он был мало экономичен и имел низкий коэффициент полезного действия. Камелёк не аккумулировал тепло и отдавал его только тогда, когда в нем горело топливо. После прогорания топлива помещение быстро остывало, а находившиеся в нем люди ощущали значительные, некомфортные, перепады температуры.

Возможно также, что большое, яркое пламя постоянно горевшего камелька и резкий перепад температуры при переходе людей от пылающего огня на жестокий мороз являлись причиной некоторых глазных болезней, которыми страдали якуты [42].

Тем не менее камелёк на северо-востоке Азии был столь распространен, что его зачастую устанавливали, наряду с глинобитными и кирпичными печами, даже в русских домах [43].

Среди описанных нами печей, бытовавших в Восточной Сибири в XVIII – середине XIX в., наиболее распространенной у русского населения, несомненно, была русская печь. В течение всего рассматриваемого периода происходила постепенная замена черной русской печи печью, топившейся по-белому. При этом существовало множество переходных вариантов русской (полубелой) печи, разнообразие которых нуждается в дополнительном изучении. В рамках перехода на отопление по-белому в Восточной Сибири появилась и европейская по происхождению отопительная печь – голландка. В то же время, наряду с упомянутыми, продолжал существовать наиболее старый тип печи – печь-каменка, а на севере Восточной Сибири местный тип печи – якутский камелёк (чувал). В последующий период на территории Сибири широко распространяются и другие типы печей, рассмотрению которых должно быть посвящено отдельное исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Кн. 1390. Переписная книга постоялых дворов Енисейска. Л. 15–16.

2. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 78.

3. Цит. по: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 167.

4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5630. Дело по доношению из Иркутской провинциальной канцелярии о бывшем в городе Иркутске 16 июня 1742 г. великом землетрясении. Л. 6–8.
5. Там же. Л. 13 об., 19, 21 об., 25 об.
6. Там же. Л. 29.
7. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 169.
8. Шукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 33.
9. Шукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844. С. 43.
10. Там же. С. 111.
11. Там же. С. 71.
12. Архив Русского Географического общества. Р. 59. Оп. 1. Д. 15. Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии, составленное отставным титулярным советником В. Паршиным. Л. 303 об.–304 об.
13. Русская изба: иллюстрир. энцикл. СПб., 2001. С. 50.
14. Ровинский П.А. Сообщение г. Ровинского о поездке его по Ангаре и Лене // Известия СОИРГО. Иркутск, 1871. Т. 2, № 3. С. 53.
15. Шперк Ф. Верхоленский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. С. 158–160.
16. Кашин Н.И. Эндемия зоба и кретинизма в приленской долине и по другим местностям Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. С. 261.
17. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 134.
18. Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. 26, 57–58.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5630. Дело по доношению из Иркутской провинциальной канцелярии о бывшем в городе Иркутске 16 июня 1742 г. великом землетрясении. Л. 15 об.
20. Там же. Л. 22 об.
21. Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 217; Печи комнатные и очаги // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. Т. 46. С. 543.
22. Флавицкий И. Здоровое и вредное отопление и оздоровление жилых помещений. СПб., 1882. С. 26–27.
23. Печи комнатные и очаги. С. 541.
24. Там же. С. 541–542.
25. Свиязев. Теоретические основания печного искусства в применении к устройству разных нагревателей к отоплению и вентиляции зданий. СПб., 1867. С. 52–53.
26. Печи комнатные и очаги. С. 541–543.
27. Записки барона Андрея Евгеньевича Розена // Отечественные записки. 1876. № 4. С. 411.
28. Кашин Н.И. Указ. соч. С. 261.
29. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб., 1854. С. XLII.
30. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 342.
31. Цит. по: Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 214–215.
32. Молодых И.А., Кулаков П.Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896. С. 125–126.
33. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1978. Т. 29. С. 239.
34. Цит. по: Ионова О.В. Жилье и хозяйственные постройки якутов // Сибирский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 271.
35. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. С. 116.
36. Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С. 93.
37. Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Изд-во «Былое», 1922. С. 61.
38. Шукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 107, 209.
39. Майдель Г. Путешествие по северо-западной части Якутской области в 1868–1870 годах. СПб., 1894. С. 41–42.
40. Шукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 107.
41. Сельский И.С. Описание дороги от Якутска до Среднеколымска // Записки СОИРГО. СПб., 1856. Кн. 1. Отд. I. С. 96.
42. Майдель Г. Указ. соч. С. 42; Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. С. 88.
43. Врангель Ф.П. Указ. соч. С. 138, 151–152; Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1972. Т. 3. С. 359, Майдель Г. Указ. соч. С. 41; Худяков И.А. Указ. соч. С. 88.